

Отагон Точка zero

Валерия бар

Валерия Бар
Отагон. Точка zero

«Автор»

2026

Бар В.

Отагон. Точка зеро / В. Бар — «Автор», 2026

В городе-куполе Отагон статус - это вопрос выживания. Концентрические кольца города строго разделены: от сияющей роскоши «Эгиды», где правят «Архитекторы», до смердящих трущоб Сектора «Зеро» - края, куда сбрасывают тех, кого система признала «профнепригодными». Вилария, девушка с гениальным интеллектом и боевыми рефлексами элиты, должна была стать гордостью Отагона. Но в день распределения всё меняется. После загадочного системного сбоя её вердикт фальсифицируют, отправляя в «Зеро» - на самое дно. Однако то, что должно было стать её концом, становится началом. Взлом закрытых архивов открывает Виларии страшную правду: протокол «Чистый горизонт». Через 30 дней Совет «Эгиды» планирует провести «вывод из эксплуатации» - массовое уничтожение нижних секторов ради экономии ресурсов. Они не просто сокращают население, они убивают тысячи людей, чтобы продлить собственное существование в мире, который, как выясняется, давно перестал быть мертвым.

© Бар В., 2026

© Автор, 2026

Валерия Бар

Отагон. Точка зеро

Глава 3. Дно мира

Двери шлюза закрылись за спиной Виларии с таким финальным, тяжёлым звуком, что по коже пробежали мурашки. Это был не звук механизма, а звук захлопнувшейся крышки гроба. Внутри, в коридорах «Эгиды», воздух был всегда одной температуры -двадцать два градуса по Цельсию, с едва уловимым ароматом озона и дезинфицирующих средств. Здесь, в транспортном отсеке, отделяющем верхние уровни от бездны, воздух был густым, как кисель. Он пах разогретым металлом, старым потом и дешёвым синтетическим топливом.

Вилария стояла неподвижно. Её руки, все ещё помнившие гладкость сенсорных панелей и идеальную балансировку тренировочного оружия, казались ей чужими. Всего час назад она была «Золотым сечением» -кандидатом с лучшими показателями за последнее десятилетие. Сейчас на ней была лишь грубая роба из переработанного пластика, колючая и неприятно липкая к телу.

Транспортный лифт -ржавая клетка, которую в «Эгиде» называли бы «технологическим атавизмом», -дёрнулся. Это было падение. Не в свободном полете, а мучительное, ступенчатое погружение в недра Ковчега. Каждый раз, когда лифт проходил через границу секторов, по корпусу пробегала вибрация.

«Сектор Эгида», -думала она, пытаясь удержать в памяти структуру города, которую раньше видела только на схемах. -«Шестьдесят метров чистого доминирования. Дальше -Монолит. Научный щит. Десять уровней лабораторий, где воздух проходит тройную очистку».

Лифт замедлился. В щелях пола показался свет -не мягкий, рассеянный свет «Эгиды», а яростное, дёрганое мигание оранжевых ламп. Это был сектор «Армор». Вилария слышала приглушённый гул дисциплинированного марша, грохот тяжёлых ботинок по металлическим настилам. Там жили те, кто привык к крови, но это была «правильная» кровь -пролитая за стабильность системы. Вилария стиснула зубы. Она была должна оказаться там. Она была рождена для этого ритма. Но её «ошибочный» результат, тот самый алый миг на экране, вычеркнул её из уравнения.

Лифт дёрнулся сильнее, и свет за бортом сменился на ядовито-зеленый. «Молот». Она узнала этот шум -низкочастотный рокот работающих гидропонных фильтров и скрежет гидравлических прессов. Здесь люди работали в три смены, превращая свои жизни в синтетический белок для господ. Вилария наблюдала за тенями, мелькавшими за решеткой лифта. Она видела силуэты изнурённых рабочих, их сгорбленные спины, их движения, лишённые смысла и надежды. Она видела, как система перемалывает их, превращая в запчасти своего механизма.

«Сколько ещё до дна?» В этот момент она осознала, что её «интеллект гения» -это проклятие. В «Эгиде» он был преимуществом. Здесь, где правят инстинкты, этот аналитический аппарат, не способный отключиться ни на секунду, был для неё пыткой. Она видела, как изношены тросы, державшие кабину. Она рассчитывала вероятность обрыва в реальном времени - 42% в ближайшие пять минут из-за критического износа металла. Она видела, как крошатся прокладки, выпуская наружу едкий конденсат.

Лифт -узкая клетка, сваренная из листов вторичного железа, -продолжал свой путь вниз, в утробу Ковчега. Каждый метр спуска был для Виларии не просто преодолением про-

странства, а жестоким уроком физики разрушения. Её мозг, привыкший к безупречным логическим связям, работал как сканер, произвольно вскрывая изнанку станции.

Она видела микротрещины в несущих балках лифта. Согласно её расчётам, коэффициент усталости металла здесь превышал все допустимые нормы безопасности «Эгиды» на четыреста процентов. Сварные швы, грубые и пористые, напоминали чешую какой-то доисторической рыбы, а местами они были залиты самодельной полимерной заплаткой, которая уже начала отслаиваться, обнажая гниющую основу.

«Они не ремонтируют здесь ничего, - анализировала она, глядя, как капля конденсата, тёмная и густая, медленно ползёт по стене. - Они лишь бесконечно латают дыры, чтобы конструкция не схлопнулась под собственным весом».

Воздух в кабине стал плотным. Он имел сложный, многослойный химический состав: резкий, почти сладковатый запах озона от изношенных контактов соседствовал с тяжёлым аммиачным духом, исходящим из вентиляционных шахт. Вилария плотнее закуталась в выданную робу. Материал был жёстким, похожим на наждачную бумагу, и пропитан специфическим «ароматом» сектора «Молот» - смесью угольной пыли и промышленной смазки. Этот запах въедался в поры, обещая остаться на коже навсегда.

Миновав уровень «Армор», лифт на секунду завис. За решетчатыми стенками проплыл коридор, залитый неестественно холодным, синим светом ламп дневного света. Вилария успела заметить идеальную геометрию стен, безупречную чистоту напольного покрытия, по которому не ступала ни одна пылинка. Там, за считанные метры над её головой, порядок возводился в абсолют. Там оружие всегда было смазано, а раны - немедленно дезинфицированы.

Здесь же, когда лифт снова дёрнулся вниз, обстановка сменилась на хаотичный нагромождение ржавых труб, из которых с ритмичным шипением вырывался пар.

Трубы эти напоминали артерии больного организма. Некоторые из них были обмотаны обрывками старой изоляции, другие - кусками пластика, перехваченными проволокой. Вилария заметила, как по одной из труб пробежала мелкая вибрация, и из микроскопической трещины на стыке брызнула струйка горячего конденсата. Она не просто видела это - она слышала каждое движение металла. Скрежет лебёдки, стон опорных конструкций, далёкий гул гигантских вентиляторов, которые в «Зеро» работали с перебоями, издавая низкий, утробный рык.

Когда кабина наконец остановилась, лязг замка отозвался в её позвоночнике, словно удар хлыста. Двери разъехались, открывая вид «Зеро».

Первое, что ударило в лицо - не свет, а запах. Смесью разложения, дешёвой органической синтетики и застоявшейся воды. Пол перед иллюзом был покрыт слоем липкой жижи - смесью технического масла и того, что Вилария боялась классифицировать. В свете мерцающих, постоянно гаснущих ламп эта жижа отсвечивала радужной плёнкой, словно ядовитое озеро.

Стены здесь были покрыты слоями копоти. Они не были гладкими - на них наслоились годы нелегальных врезок в энергосети. Пучки проводов, свисавшие с потолка, напоминали лианы в джунглях; многие из них были оголены, и Вилария видела, как в местах контактов с влажными стенами проскакивали мелкие, фиолетовые искры. Звук этих искр - тихое, раздражающее «цик-цик» - казался самым громким звуком в этом месте.

Она сделала шаг. Её ботинок хлопнул, погрузившись в маслянистое пятно. Рядом, за кучей спрессованного металлолома, послышался шорох. Она мгновенно сфокусировалась: крысы? Или кто-то покрупнее? В тени, отбрасываемой нагромождением старых вентиляционных коробов, Вилария разглядела силуэты. Они были неподвижны, словно часть архитектуры этого проклятого места. Люди, превратившиеся в тени.

Она поняла, что в этом месте всё - от ржавого болта до клочка грязной ткани - было частью системы, которая больше не работает на развитие, а только на выживание. Она

посмотрела на свои руки: ещё недавно они были готовы к высокотехнологичным интерфейсам, а теперь -к тому, чтобы сжимать кусок арматуры.

«Информации достаточно», -пронеслось в её голове, когда из темноты отделилась первая фигура. -«Среда агрессивна. Ресурсы минимальны. Единственный путь -стать такой же жёсткой и ржавой, как этот город».

Она выпрямилась. Холодный металл стены за спиной обжигал плечи, напоминая о том, что пути назад нет. Вилария сделала вдох, сознательно заставляя себя не морщиться от вони, и сделала несколько шагов. Каждый из них сопровождался неприятным хлопаньем - звук, который в «Эгиде» считался бы немыслимым нарушением протокола чистоты. Здесь же это был фоновый шум жизни. Она оказалась в сердце «Зеро» -месте, которое не было спроектировано как жилой сектор. Это была **гигантская коммуникационная кишка, переделанная под человеческое жильё, когда перенаселение ковчега стало критическим.**

Архитектура этого места подавляла. Потолки здесь были не плоскими панелями с рассеянным светом, а нагромождением перекрещивающихся балок, труб и кабельных трасс, уходящих вверх на десятки метров, в бесконечную черноту шахт. С этих труб постоянно что-то сочило: техническая смазка, конденсат, или нечто похуже. Жидкость падала вниз, разбиваясь о ржавый настил пола, создавая монотонную, изматывающую капель, которая эхом отдавалась от металлических стен.

Вилария смотрела на стены и видела хронику упадка. Обычные перегородки здесь были заменены листами гофрированного железа, собранными со свалок других секторов. Они были покрыты пятнами коррозии, напоминающими географические карты неведомых, умирающих миров. Местами металл был прожжён-следы кустарных сварочных работ, где жители пытались отгородиться от соседей или создать тепловой контур вокруг старых отопительных радиаторов.

-Анализ структуры: критическая нестабильность, -прошептала она, и её голос утонул в гуле вентиляции, который здесь звучал как стон раненого зверя.

Она видела жильё ячеек -это были не комнаты, а тесные клетки, сколоченные из фрагментов пластиковых панелей и старой мебели. В одной из таких «ячеек» она заметила что-то, похожее на гамак, сплетённый из оптического волокна. Люди, населявшие эти норы, напоминали призраков. Они сидели неподвижно, их кожа была бледной, сероватой, лишённой солнечного света «Эгиды». Они двигались рывками, с оглядкой, словно ожидая удара из темноты.

Вилария заворожённоследила за тем, как устроено освещение. Здесь не было ламп. Электричество добывалось «диким» способом: от основных магистралей города отходили десятки тонких, как паутина, проводов. Они тянулись по стенам, переплетаясь в невероятные узлы, заклеенные изоляцией или просто обмотанные вокруг металлических штырей. Время от времени по этим проводам пробегали искры, освещая пространство ядовито-синим или оранжевым светом, на секунду выхватывая из темноты лица людей, мусорные кучи и исхудавших собак, копошащихся в отходах.

Она подошла к краю платформы, где начинался переход вглубь сектора. Здесь располагался «рынок» -стихийное скопление людей вокруг парового вентиля. Люди меняли синтетические пайки на запчасти, на обрывки кабелей, на воду. Влажность здесь была такой высокой, что воздух можно было буквально жевать.

Вилария заметила, как один из жителей, мужчина с обмотанными тряпками руками, пытался «починить» узел соединения труб. Он не использовал инструменты. Он просто прижимал к месту утечки кусок свинцовой пластины и затягивал её проволокой. Его движения были лишены научной точности, но в них была пугающая эффективность человека, который знает, что если не сделает это прямо сейчас -завтра он проснётся в ледяной воде.

«Здесь нет архитектуры контроля, -поняла Вилария, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. -Здесь архитектура адаптации. Каждый предмет, каждая труба, каждый человек- всё это лишь временная заплатка на прохудившемся теле города».

Она осознала, что «Зеро» -это не просто трущобы. Это паразитарный нарост на теле Ковчега. Но при всей своей уродливости, этот нарост обладал своей логикой. Вилария видела, как потоки воды стекают по трубам в специальные желоба, как тепло от двигателей перенаправляется с помощью хитроумных заслонок, чтобы обогреть самые привилегированные (по меркам Зеро) ночлежки. Это был «саморегулирующийся хаос».

Она потрогала стену -холодный, липкий металл. Вилария поняла: здесь нельзя идти прямо. Прямая линия -это путь для тех, кто привык к правилам. Чтобы выжить здесь, нужно двигаться по касательной, в тени, сливаясь с шумом и грязью этого грандиозного, разлагающегося склепа.

Она была внутри системы, которая её отвергла, и теперь система начинала переваривать её. Но она, дочь инженера, видела не только гниль. Она видела структурные слабости, точки напряжения и рычаги, с помощью которых можно было обрушить всю эту конструкцию, если только найти главный узел управления. И, глядя в бесконечную, тёмную бездну труб над головой, она поняла: путь к власти в Ковчеге лежит не через Эгиду, а через понимание того, как устроено это дно.

Вилария остановилась, когда её слух уловил едва заметное изменение в акустике. Гул вентиляторов чуть приглушался, словно пространство перед ней перекрыли. Она не оборачивалась -в «Эгиде» её учили чувствовать изменения давления воздуха за спиной.

Двое. Дистанция -четыре метра. Они не шли, они стелились по металлу, как хищники, знающие каждый выступ.

-Слишком чистая, -раздался скрежещущий голос слева. -Такие, как ты, падают сюда каждый месяц. Пытаются командовать, пытаются строить схемы... А потом становятся удобрением для гидропоники.

Вилария медленно развернулась. Её разум работал на пределе, отсекая страх и оставляя лишь холодные цифры. Рост: 185 см. Вес: около 90 кг. Вероятное оружие: заточенная арматура, возможно, стилет. Угол атаки -фронтальный и с фланга.

Один из нападавших вышел на свет мигающей лампы. Его лицо было пересечено глубоким шрамом, глаз затянут белесой плёнкой, но второй глаз -живой, алчный -оценивал её одежду. Второй оставался в тени, создавая «мёртвуюзону».

-У меня нет ничего, кроме робы, -ровным, лишённымдрожи голосом произнесла Вилария.

-Роба -это ткань. Ткань -это ресурс, -усмехнулся шрамированный, делая резкий выпад.

Он не фехтовал. Он не использовал стойки «Армор». Это был рваный, хаотичный выброс энергии. Вилария отшатнулась в сторону -ровно настолько, чтобы лезвие прошло в миллиметре от её горла. В «Эгиде» её учили парировать, блокировать и контратаковать. Здесь это привело бы к смерти: блокировка -это сопротивление силе, а в «Зеро» сила всегда была на стороне ржавчины и ярости.

Вместо блока она использовала инерцию нападающего. Она резко дёрнула его за руку, усиливая его же движение, и направила его в сторону стены. Раздался глухой удар, сопровождаемый скрежетом металла.

Но второй, тот, что зашёл с фланга, был быстрее. Он не целился в корпус. Он ударил ногой в колено, пытаясь сбить её с ног. Вилария почувствовала острую боль, но в ту же секунду её аналитический ум выдал решение. Она не попыталась удержать равновесие по всем правилам биомеханики. Она позволила себе упасть, перекатившись через плечо. Это движениевыглядело как слабость, но оно спасло её от следующего удара, который пришёл с воздуха там, где секунду назад была её голова.

Оказавшись на полу, она не стала пытаться встать в полный рост. Она была на уровне труб. Она увидела то, чего не видели они: магистральный кабель, с которого свисала незаизолированная жила.

Расчёт: 0.4 секунды до того, как он нанесёт повторный удар. Вилария ударила кулаком по трубе, вызывая вибрацию, и одновременно схватила свисающий провод. Она знала, что по нему идёт ток -она видела это по искрению ламп. Она не просто ударила -она замкнула цепь на металлическую панель под ногами нападавшего.

Яркая вспышка осветила этот смрадный коридор. Мужчина вскрикнул, отпрянул, сбитый с ног электрическим разрядом. Вилария поднялась, опираясь на стену. Её дыхание было тяжёлым, но взгляд оставался ясным и пугающе холодным. Шрамированный замер, глядя на неё не с алчностью, а с недоверием.

-Ты не из «Молота», -прохрипел он, потирая обожжённую руку. -Слишком расчетливо.

-Я та, кто не собирается сгнить здесь, -ответила она.

В этот момент из темноты донёсся третий звук -тихий, металлический щелчок взводимого затвора. Из глубины коридора вышла фигура в лохмотьях, которые когда-то могли быть формой «Армора». В руках у него был старый, переделанный пистолет.

-Довольно, -произнес новичок. -Умная девчонка - это редкость. А полезная умная девчонка -это вообще дефицит.

Вилария замерла. Она поняла, что в этом мире даже её «победа» над двумя бандитами была лишь проверкой. Она находилась под прицелом, но впервые с момента спуска в её голове появилась зацепка: здесь всё, даже насилие, имело цену. И если она не может сражаться с системой напрямую, значит, она станет той переменной, которая эту систему разрушит изнутри.

-Кто ты? -спросила Вилария, не опуская рук, но и не проявляя агрессии.

-Тот, кто здесь выживает, -ответил незнакомец, делая шаг вперёд, в тусклый круг света. -В «Зеро» нет законов, девчонка. Есть только связи. И если хочешь дожить до завтрашней смены, тебе придётся научиться видеть не только ржавчину, но и тех, кто на ней держится.

Вилария поняла: это была её первая «вербовка». Система «Эгиды» думала, что изолировала её, но она только что начала создавать свою собственную, невидимую сеть в самом сердце тьмы.

Фигура, возникшая из теней, принадлежала парню лет двадцати семи. В отличие от обитателей «Зеро», чьи движения были либо суетливыми, либо апатичными, он двигался с хищной, отточенной грацией человека, который всю жизнь провёл в режиме боевой готовности. На нем были остатки формы сектора «Армор» -потёртые штаны с укрепленными вставками, скрывающие шрамы, и чёрный жилет поверх грубой рубахи. В его глазах -острых, с холодным, стальным блеском -читался многолетний опыт дисциплины, которая в «Зеро» превратилась в жёсткое выживание. Вилария мгновенно просканировала его.

Дилан был человеком, который казался сотканным из противоречий, застывших в момент высшего напряжения. Его внешность была сродни архитектуре самого «Зеро»: функциональная, суровая, но при ближайшем рассмотрении обнаруживающая глубинную, за которую цеплялся взгляд. При росте чуть выше среднего он выглядел массивным, даже грузным, но это была не избыточность, а плотная, спрессованная годами службы в «Арморе» мускулатура. Его плечи, широкие и тяжёлые, казались способными выдержать груз, который сломил бы любого другого обитателя окраин. Рубаха на нем, когда-то бывшая частью армейского комплекта, теперь едва сдерживала бугры мышц на предплечьях и груди, а каждый поворот корпуса выдавал в нем привычку к резким, экономным движениям хищника.

Его волосы, иссиня-черные, как техническая смазка, которую он ежедневно оттирал с пальцев, были коротко острижены -не по моде, а из соображений практичности: чтобы

не мешали прицеливаться и не давали врагу лишнего шанса в рукопашной. Они обрамляли лицо с резкими, словно вырубленными из камня скулами, на которых залегли тени глубокой усталости и постоянной настороженности.

Но самым поразительным в его облике, тем, что заставляло любого встречного на мгновение замереть, были его глаза. Они жили своей, отдельной жизнью, словно принадлежали двум разным людям. Правый глаз был пронзительно-голубым, цвета холодного, стерильного света ламп верхних уровней «Эгиды» - ясный, расчётливый и пугающе спокойный. Левый же был густого, почти болотного орехового оттенка, напоминающего цвет застоявшейся воды в технических резервуарах «Зеро» или увядающей листвы, которую когда-то пытались восстановить учёные «Монолита». Эта гетерохрония придавала его взгляду странную двойственность: когда он смотрел на Виларию, казалось, что он одновременно изучает её как тактическую единицу и как человека, затерянного в этом ржавом чистилище.

Кожа Дилана была сложной картой его прошлого. Помимо сети старых, побелевших шрамов от ожогов и порезов, полученных в коридорах Ковчега, его левое предплечье и часть плеча пересекало массивное, выполненное в стиле жёсткой графики тату. Это была не просто эстетика, а сложный геометрический узор из переплетённых линий, напоминающий схему электрических цепей, которые кое-где превращались в стилизованные шипы. Чернила местами выцвели от времени, но линии оставались чёткими, контрастируя с белыми полосками рубцов, которые местами «прорезали» изображение, словно намеренно деформируя рисунок. Это татуировка-чертёж, татуировка-память, переходящая с кожи на ткани тела, создавала ощущение, что Дилан сам является частью тех механизмов, которые он когда-то поклялся защищать, а теперь поклялся уничтожить. В его облике читалась та самая «архитектура разложения», что была вокруг, но в нем она обрела волю, превратившись в нечто монолитное, неспособное сломаться под давлением внешней среды. Он был как стальной стержень в куче мусора: опасный, непоколебимый и пугающе сосредоточенный на одной-единственной цели.

-Ты здесь чужой, - произнесла она, не опуская рук, но и не проявляя агрессии. -Твоя стойка, хват оружия... Ты из «Армора».

Парень криво усмехнулся, и в этой усмешке не было теплоты — только горькая ирония.

-Глаз-алмаз. Почти такой же точный, как у системы, что тебя сюда выкинула. Меня зовут Дилан. Когда-то я был тактиком в секторе «Армор», отвечал за внешнюю безопасность. До того, как понял, что «Армор» защищает не город, а только элиту «Эгиды» от тех, кто заслуживает жизни не меньше, чем они.

Вилария напряглась. Дилан был из тех, кто исчез после чисток в «Арморе» пять лет назад, когда по сектору прокатилась волна репрессий против офицеров, отказавшихся стрелять в безоружных рабочих «Молота».

Он махнул рукой, приглашая её следовать за собой. Они двинулись через лабиринт, мимо штабелей труб, туда, где архитектура разложения обретала новую форму. За нагромождением мусора скрывался проход, ведущий в полость между внешней обшивкой Ковчега. Там, в полумраке, работали десятки людей. Это были бывшие бойцы «Армора» и инженеры «Монолита».

-Здесь выживает не самый быстрый, принцесса, - сказал Дилан, указывая на группу бойцов, проверяющих снаряжение. -Здесь выживает тот, кто понимает: город -это тюрьма.

Вилария смотрела на эту тайную базу, и впервые с момента «сбоя» на тестировании в её душе зародилась яростная надежда.